

“ВОДЛЕ ОБЫЧАЯ ПРАВА
ЗЕМСКАГО”: НЕКОТОРЫЕ
АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ
УКРАИНСКОЙ ЭЛИТЫ ВЕЛИКОГО
КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В ДОСТАТУ-
ТОВЫЙ ПЕРИОД © *Дмитрий Ващук*

Правоотношения в Великом княжестве Литовском (далее – ВкЛ) во второй половине XV в. приобретают особенный характер развития. В это время, а именно в 1440–1441 гг., появляются первые письменные судебные сборники¹, известные в историографии как уставные земские грамоты или областные привилеи. Это были официальные законодательные акты судебно-административного, публично-правового, частноправового и социально-экономического характера, которые предоставлялись верховной властью ВкЛ областям/землям для законодательного обеспечения внутренних отношений. Они жаловались от имени великого князя литовского с целью определения отношения области/земли к государству и регламентации взаимоотношений между местным населением и правительственными органами. Поводом их выдачи стала необходимость утверждения власти господаря в присоединенных регионах. Эффективное использование норм уставных земских грамот в юриспруденции в достатутный период положило начало формированию правовой культуры населения ВкЛ, в первую очередь элиты государства (князей, панов и землян)².

Несмотря на очевидную актуальность проблемы, в историографии отсутствуют монографические исследования на эту тему. В то же время утверждать, что правовая культура ВкЛ не изучалась вообще, будет не совсем корректно. Благодаря работам ученых-историков права (Ю. Бардах, И. Валиконитэ, М. Владимирский-Буданов, А. Гурбик, С. Кутшеба, С. Лазутка, Р. Лащенко, Ф. Леонтович, Н. Максимейко, В. Полищук, И. Старостина, Н. Старченко, А. Хорошкевич, А. Яковлив, И. Якубовский, Н. Ясинский и др.) создана необходимая методологическая база для современных научных студий.

Для начала рассмотрим правовую культуру ВкЛ в целом. Она характеризуется “уровнем правосознания и правовой активности общества”³. При

¹ Привилеи Новогрудской земле 1440 г. и Жмудской земле 1441 г.

² В этой публикации мы не рассматриваем так называемые общеземские привилеи. Это связано с тем, что их нормы, скорее всего, были декларативного характера, поскольку в каждой земле до издания Первого Литовского статута действовало свое законодательство.

³ Большая юридическая энциклопедия. Москва, 2006, с. 386.

этом обратим внимание на такие структурные элементы как *культуру юридической практики и культуру правового поведения*.

Культура юридической практики характеризуется эффективной деятельностью законодательных и судебных органов. Функции *законодательного органа* ВкЛ в достатутный период исполняли: великий князь литовский и Паны-Рада. В состав последней входили влиятельные лица государства, которые занимали ключевые урядницкие должности. Однако главную роль, конечно, играл господарь от имени которого и жаловались областные привилеи. В их ранних списках, в частности Новогрудском 1440 г. и Жмудском 1441 г., в интитуляции указывается лишь имя великого князя: “Милостью Божьею, мы Казимир, королевич, велики князь Литовски, Жомоитски, Руски и иных...”⁴ и “*My wielkie xiąże Kazimierz krolewic litewski, zmodzkie, ruskie u innych*”⁵ соответственно. В то же время, в короборации отсутствует поименный список членов Панов-Рады. В последнем документе лишь указано: “*A na tę prawdę ten list im dali u nasi panowie*”⁶. Имена и фамилии, а также их урядницкие должности, записываются в подтвердительных привилеях преемников Казимира Ягеллончика. Одним из первых таких документов является уставная грамота Жмудской земли 1492 г., подтвержденная Александром Ягеллончиком, где указано: “Пры чом же были вельможныи, уроженни, шляхетныи панове... (всего отмечено – 11 человек. – Д. В.) и иньших пры том томъ было много”⁷. Поименный список членов Панов-Рады присутствует также в таких грамотах: Волынской 1501 г.⁸, Витебской 1503 г.⁹, Полоцкой 1511 г.¹⁰, Смоленской 1505 г.¹¹, Киевской 1507 и 1529 гг.¹² и Бельского повета 1501 г.¹³ Однако, не

⁴ *Жемайтис С.* Привилей Новогрудской земле 1440 г. // Рукописные памятники. Публикации и исследования. Вып. 4. Санкт-Петербург, 1997, с. 221.

⁵ *Jablonskis K.* Archyvenes smulkmenos // Praeitis. Kaunas, 1933. Т. II, p. 423.

⁶ *Ibidem*, p. 424.

⁷ Lietuvos Metrika (далее – LM). Knyga Nr. 15. (1528–1538): Užrašymų knyga 15 / Parengė A. Dubonis. Vilnius, 2002, p. 183. Вызывает интерес тот момент, что в подтверждении 1529 г. список Панов-Рады отсутствует (*Valikonytė I., Lazutka S.* Lietuvos didžiojo kunigaikščio 1529 metų Nuostatai Žemaitijos žemei // Lietuvos Metrikos studijos. Mokymo priemonė. Vilnius, 1998, p. 45).

⁸ *Ващук Д.* “Абыхмо держали ихъ подде права их земли” (Населення Київщини та Волині і великокнязівська влада в XV–XVI ст.). Київ, 2009, с. 272.

⁹ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографической комиссией (далее – Акты ЗР). Т. I. Санкт-Петербург, 1846, с. 353.

¹⁰ LM. Knyga Nr. 8. (1499–1514): Užrašymų knyga 8 / Parengė A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antanavičius. Vilnius, 1995, p. 454.

¹¹ Акты ЗР. Т. I, с. 363.

¹² *Ващук Д.* “Абыхмо держали ихъ подде права их земли”..., с. 282, 290–291.

¹³ LM. Knyga Nr. 25. (1387–1546): Užrašymų knyga 25 / Parengė D. Antanavičius ir A. Baliulis. Vilnius, 1998, p. 60–61.

в каждой грамоте встречается собственно термин “Паны-Рада”. Он является отсутствующим в следующих грамотах: Жмудской земле 1441, 1492 и 1529 гг., Витебской 1503 г. и Волынской 1508 г.¹⁴

На сегодня остается неизвестным процесс написания текстов областных привилеев и роли в нем членов Панов-Рады. Подавляющее большинство исследователей указывали на непосредственную связь их с Правдой Русской (далее – ПР)¹⁵. Однако сравнительный анализ норм Правды Русской с областными привилеями Новогрудской, Жмудской, Волынской и Киевской землям не дает оснований с полной уверенностью говорить о доминировании древнерусской “старины” в праве ВкЛ. Рецепция норм ПР, на наш взгляд, проявилась только в ряде положений. Во-первых, в правах вдов и детей. Но в ПР они представлены в более широкой редакции, а лаконичность областных привилеев объясняется, скорее всего, существованием норм обычного права, которые, по-видимому, не нуждались в письменном декларировании. Во-вторых, в ограничении ответственности членов семьи вора (в ПР данная статья применялась только к “холопам”, а в Киевском привилее – к представителям шляхты). В-третьих, в запрещении зависимым особам выступать свидетелями. Вместе с тем, система судопроизводства и статьи “о татьбе” уставных земских грамот не имеют ничего общего с ПР. Поэтому мы не можем с уверенностью говорить о рецепции древнерусского правового наследия во второй половине XV в. на большей части территории ВкЛ¹⁶.

Внедрение письменного законодательства значительно повысило эффективность деятельности *судебных органов*. Именно в суде решались все спорные вопросы. Например, на Киевщине запрещалось без суда (“права”) сажать в

¹⁴ Ващук Д. “Абыхмо держали ихь подла права их земли”..., с. 276.

¹⁵ Любавский М. Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута. Москва, 1892, с. 659, 684; *Его же*. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. Москва, 1910, с. 143, 150; *Довнар-Запольский М.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Т. I. Киев, 1901, с. 27, 84; *Ясинский М.* Уставные земские грамоты Литовско-русского государства. Киев, 1889, с. 75–76; *Его же*. “Село” и “вервь” Русской Правды. Киев, 1906, с. 23; *Максимейко Н.* Русская Правда и литовско-русское право. Б. м./г., с. 14; *Леонтович Ф.* Очерки по истории Литовско-русского права. Образование Литовского государства. Санкт-Петербург, 1894, с. 190; *Леонтович Ф.* Русская Правда и Литовский Статут // Университетские известия. Киев, 1865, № 2, с. 1–25; *Лащенко Р.* Лекції по історії українського права. Частина друга: Литовсько-польська доба. Випуск перший: пам'ятники права. Прага, 1924, с. 37–38; *Kutrzeba S.* Historia ustroju Polski w zarysie. Część druga: Litwa. Lwow, 1914, s. 41.

¹⁶ Ващук Д. Рецепція норм “Руської Правди” в пам’ятках права Великого князівства Литовського (на матеріалах обласних привілеїв другої половини XV ст.) // II Міжнародний науковий конгрес українських істориків “Українська історична наука на сучасному етапі розвитку”. Кам’янець-Подільський, 17–18 вересня 2003 р. Т. I. Кам’янець-Подільський – Київ - Нью-Йорк - Остроп, 2005, с. 136–142.

тюрьму, казнить и конфисковать имения; мера наказания устанавливалась судом и зависела от степени вины обвиняемого; лицо, которого тайно или публично обвинили в преступлении, запрещалось заключать и казнить, а обе стороны обязывались появиться в суд и именно здесь решить все спорные вопросы; наказанию подлежал исключительно преступник соответственно совершенному преступлению и тому подобное¹⁷. Практически аналогичные нормы действовали на территории Полоцкой земли¹⁸.

Кроме противоборствующих сторон и судей, во время судебного процесса присутствовали свидетели с двух сторон. В Киевском привилее 1507 г. отмечалось, что в случае доноса (“кто иметь на кого сочуги”¹⁹) данное лицо (“сок”) обязано было подтвердить свои слова в суде. Если устанавливались ложность свидетельства доносчика, его карали “как потварцу”. Также запрещалось зависимым людям (“чоловекъ или холопъ, или раба”) выступать в качестве свидетелей в судебных делах против своих владельцев; нарушители выдавались собственнику²⁰. Похожий принцип был и в других областях ВкЛ, в частности Витебской и Полоцкой. “А холопу и робе веры не няти”, – читаем в уставных грамотах этих регионов²¹. Кроме этого, в Полоцкой земле запрещалось использовать пытки в процессе дознания – “а по муце веры не иняти”²².

Невзирая на то, что на территории каждой земли, в соответствии с нормами областных привилеев, действовала своя система судопроизводства, верховной судебной инстанцией оставался великий князь литовский. Шляхта в установленном порядке имела право перевести судебное заседание в великокняжескую канцелярию, на так называемое “высшее право”²³. Правда, великий князь литовский сначала требовал решение дела непосредственно на месте. К примеру, в листе Сигизмунда I Старого судьям владимирского старосты, князя Андрея Александровича Сангушка четко указывалось: вместе с судьями луцкого старосты Федора Михайловича Чарторыйского развязать спор между двумя князьями “не откладаючи того до нас господаря” (25 сен-

¹⁷ Ващук Д. “Абыхмо держали ихъ подде права их земли”..., с. 81–111.

¹⁸ LM. 8, р. 452.

¹⁹ В этом случае поддерживаем мнение М. Ясинского, что “слово “сочить” значит не только отыскивать, разыскивать, выслеживать, но и просто – возбуждать дело доносом, обвинением, выступать против кого-либо частным обвинителем” (Ясинский М. Уставные земские грамоты. с. 190 (Прим. 376)).

²⁰ Ващук Д. “Абыхмо держали ихъ подде права их земли”..., с. 101.

²¹ Витебский привилей 1503 р. (Акты ЗР. Т. I, с. 352); Полоцкий привилей 1511 р. (LM. 8, р. 452).

²² LM. 8, р. 452.

²³ Берковський В. Г., Блануца А. В., Ващук Д. П., Гурбик А. О., Черкас Б. В. Україна і Литва в XIV–XVI століттях. Політико-правові та соціально-економічні аспекти. Луцьк, 2010, с. 102–104.

тября 1526 г.)²⁴. Однако судебный процесс затянулся настолько, что 28 января 1530 г. господарь, по просьбе А. Сангушка, написал письмо к Ф. Чарторыйскому, в котором сообщал, что тот с сыном Федором “хотят с тобою очивисто мовити перед паны радами нашими Великого князьства Литовского и о том есмо и первый наш лист позовный им до тебе дали”. И далее констатировал: “приказуем тебе, абы еси перед Паны Радами нашими, как их милость будут на сойме, стал и в том ся ними росправил на тот рок, на который они тебе перед их милость позовут сим нашим листом”. В случае неприбытия Федора, дело решалось без него “яко в правех будет стоять выписано”²⁵. Только теперь суд должен был состояться не в великокняжеской канцелярии, а на сейме.

Однако рассмотрение судебных дел на сеймах часто было очень обременительным. Особенно из-за затягивания времени, которое необходимо было использовать для решения государственных вопросов, собственно из-за тех, ради которых и созывался сейм. Показательным относительно этого является свидетельство очевидца Виленского сейма 1528 г.: “до вчерашнего дня, кроме разбора бесчисленных жалоб, обвинений и доносов, ничего больше не сделано; я слышал, как сам король несколько раз жаловался на то, что он удручен этими делами. Сейм, давно уже назначенный и затем вторично обнародованный, до сих пор еще не начался, говорят, что он должен начаться в первый день новолуния; между тем на сейм съехалось достаточно многочисленное количество провинциалов, и они тратят время не без досады”²⁶. Принимая это во внимание, в Первом Литовском Статуте (далее – ПЛС) перевод дела на “высшее право” был запрещен, кроме отдельных исключений: “В суде никто ся не маеть отозвати перед правом ни до нас, господара, ни до сойму, для того, абы в том волокиты не было, але повинен будет кождый один другому достояти права аж до конца. А естли бы ся видело водле сказаня которой стороне кривда, а бачила бы сторона, иж ей не подле права писаного всказано, тогда маеть листа просити в суде сказаня своего, которым обычаем сказали на нем. А судьи повинни будуть ему дати лист под печатью своею, а он маеть з оными судьями перед нами або на первом сойме говорити и лист тых судей вказати...” (Р. 6 § 1)²⁷.

²⁴ Arhiwum książąt Sanguszków w Sławucie wydane przez Bronisława Górczaka, konserwatora tegoż archiwum. T. III. (1432–1534). Lwów, 1890, s. 294–295.

²⁵ Ibidem, s. 359–360.

²⁶ Цит. за: *Максимейко Н.* Сеймы литовско-русского государства до Люблинской унии 1569 г. Харьков, 1902, с. 124.

²⁷ Pirmasis Lietuvos Statutas. Tekstai senąja baltaruių, lotynų ir senąja lenkų kalbomis. T. II. Pirma dalis (далее – Pirmasis Lietuvos Statutas). Vilnius, 1991, p. 162. См. также статью: *Ващук Д.* Вплив обласних привілеїв Київщини та Волині на формування Першого Литовського Статуту // Pirmasis Lietuvos Statutas: straipsnių rinkinys / sudarė Irena Valikonytė ir Lirija Steponavičienė. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2005, p. 84–98, reziumė lietuvių k.

Эффективность правосудия во многом зависела от деятельности “главного” судьи в регионах – “старосты” и “воеводы”. Например, к судебной компетенции “старосты” на Волыни входило отправление судебных исполнителей – “децких”, которые должны были “доставлять обвиняемых, когда необходимо и силой, в суд, приводить в исполнение приговор”²⁸. Староста и его наместники сначала должны были дважды направить письма к исковой стороне с требованием появиться в суд. И только после этого и когда последние не реагировали на запросы, отправлялся “децкий” (ст. 1)²⁹. За редакцией 1508 г., в случае невыполнения требований “децкого” платился штраф (“децьковане”), а дело решали староста или наместники³⁰.

В то же время волынская шляхта обеспечивалась от возможного своеволия урядников. Во-первых, староста не имел права самовольно проводить судебное заседание и объявлять приговор: в случае поступления жалобы на князя, пана или землянина он был обязан сообщить о ее содержании великому князю литовскому³¹. Последний отправлял лист с “наукой”, согласно которому урядник и осуществлял правосудие (Ст. 4)³².

Во-вторых, на судебном процессе, кроме старосты и наместников, обязательно присутствовали князья, паны и земляне³³. Их присутствие было необходимо, а не прихотью шляхты. Поскольку, как справедливо отмечал Н. Максимейко, “литовское правительство не обладало надлежащими сведениями о праве, действовавшем в отдельных областях... и часто только они (князья, паны и земляне. – Д. В.) могли удостоверить, какая норма права должна быть применена к спорному отношению, каким повинностям подлежат те или другие земли, то или другое лицо и т. п.”³⁴.

Известны случаи, когда староста самостоятельно осуществлял правосудие между шляхетскими подданными, получая за это отдельную плату³⁵. Норма касалась уголовных преступлений четырех типов: наезд, изнасилование,

²⁸ *Krasauskaitė M.* Die Litauische Adelsprivilegien bis zum Ende des XV. Jahrhunderts. Leipzig, 1927, s. 45.

²⁹ *Ващук Д.* “Абыхмо держали ихь подде права их земли”..., с. 269.

³⁰ *Ващук Д.* “Абыхмо держали ихь подде права их земли”..., с. 273; Подробнее относительно “децких” см. статью: *Поліщук В.* Свідки у русько-литовському праві до судово-адміністративної реформи 1564–1566 рр. // Молода нація. Київ, 2000, с. 123–163.

³¹ *Грушевський М.* Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. Т. V: Соціально-політичний і церковний устрій і відносини в українсько-руських землях XIV–XVII віків. 2-е видання. Київ, 1998, с. 54.

³² *Ващук Д.* “Абыхмо держали ихь подде права их земли”..., с. 270.

³³ *Он же*, с. 271.

³⁴ *Максимейко Н.* Сеймы литовско-русского государства..., с. 122.

³⁵ *Довнар-Запольский М.* Украинские староства в первой половине XVI в. Киев, 1908, с. 115.

нанесение телесных повреждений шляхтичу, поджог³⁶. По мнению М. Владимирского-Буданова, это правило стало “исключением из общего правила о подсудности землевладельческих судов”³⁷. На наш взгляд, причиной введения такого артикула было недопущение распространения указанных уголовных преступлений среди шляхетских подданных.

Однако эта норма не стала только “волынским” исключением. Аналогичные полномочия получил бельский староста привилеем 1501 г.: “Наш староста, ено, только чтеры артыкулы на замку ма судить: первшы артыкул, о розбитье альбо о злупенье на добровольной дорозе, альбо о крадеж; друтий артыкул, коли хто квалтом на чый дом найдеть; третый, о девичьем альбо невестьем квалте; червертый, о пожогу”³⁸. Кроме этого, староста, судья и подсудок решали судебные иски между православными и католиками. Ко всем другим делам староста не имел никакого отношения³⁹. Значительно более лаконично определялись полномочия жмудского старосты привилеем 1529 г.: 1) “...земли Жомоитское дали есмо от нас держати в моц и в подаванье старосте жомоитскому, пану Станиславу Станиславовичу, водлут первого давного обычая, яко ся он маеть там справовати и рядити, то есмо у привильи нашом ему описали”; 2) “теж с послушенства пана старостина тых всих тивунов и всее шляхты земли Жомоитское не выймаем, але хочем, абы во всяких речах пана старосты во всем были послушны, яко рады и местца нашего”⁴⁰.

В тех землях, где главным урядником был воевода, он был главным судьей своего региона. К примеру, в первый же день своего управления витебский воевода должен был присягнуть “витбляном на том, штож без права их не казнити по вадам ни в чом”⁴¹. Аналогично должен был действовать и полоцкий воевода: “а приехавши воеводе нашому к Полоцку, первого дня ему крест целовати к полочаном на том, штож без их sprawy полочанина не казнити ни в чом”⁴². Кроме этого, в грамоте отмечалось место проведения судебных заседаний: “судити воеводе на городе”⁴³.

³⁶ Вацук Д. “Абыхмо держали ихъ подле права их земли” ..., с. 270.

³⁷ Владимирский-Буданов М. Хрестоматия по истории Русского права. Вып. 2. Изд. 4. Санкт-Петербург, 1901, с. 64.

³⁸ Акты ЗР. Т. 1, с. 224; LM 25, р. 58–59.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Valikonytė I, Lazutka S. Lietuvos didžiojo kunigaikščio 1529 metų Nuostatai Žemaitijos žemei..., р. 30, 43. Отметим также, что в ранних списках Жмудского привилея 1441 и 1492 гг. классификация судебных полномочий старосты отсутствует.

⁴¹ Акты ЗР. Т. 1, с. 352.

⁴² LM. 8, р. 454.

⁴³ Ibidem.

Основные судебные функции на Киевщине также исполнял воевода⁴⁴. Во-первых, ему разрешалось еще до оглашения приговора отпустить подсудного по поручительству и сообщить об этом великому князю литовскому; а уже от последнего зависело присуждать или не присуждать штраф⁴⁵. Во-вторых, в уголовных делах о “наездах”⁴⁶ урядник своим листом обязывал обвиняемого предстать перед судом (в редакции 1529 г. количество таких листов равнялись двум). В противном случае посылался “децкий”. На суде вместе с воеводой присутствовали представители киевской шляхты (“князи и паны, и бояры киевские”)⁴⁷, главная роль которых заключалась в определении и толковании норм обычного права в сложных случаях⁴⁸. В-третьих, право шляхты на перевод судебного дела непосредственно к великому князю литовскому (так называемое “высшее право”), в некоторой степени ограничивало компетенцию воеводы⁴⁹. Урядник в своей резиденции лично учреждал каждой из сторон срок (“рок подобный”) для прибытия к великому князю литовскому. В случае, если какая-то из сторон не смогла вовремя прибыть (за исключением земской службы или болезни при письменном уведомлении), дело окончательно решал лично воевода⁵⁰. Как свидетельствуют источники, этот же урядник был главным лицом судопроизводства Троцкого воеводства⁵¹.

⁴⁴ Ващук Д. Судова діяльність “старости” на Волині та “воеводи” на Київщині в кінці XV – першій третині XVI ст. // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). Випуск 5. Київ, 2005, с. 165–169.

⁴⁵ Ващук Д. “Абыхмо держали ихъ подде права их земли”..., с. 280, 286.

⁴⁶ Подробнее относительно “наездов” см.: Блануца А. Соціально-станова зумовленість шляхетських наїздів на Волині у другій половині XVI ст. // Український історичний журнал. 2003, № 4, с. 103–111; Блануца А. Документація Литовської Метрики про шляхетські наїзди на українських землях Великого князівства Литовського в 20-х рр. XVI ст. (за матеріалами Книги записів № 14) // Український історичний збірник. Випуск 10. Київ, 2007, с. 392–398; Блануца А. Шляхетські наїзди у Великому князівстві Литовському за матеріалами Литовської Метрики I третини XVI ст. // Наукові праці Кам’янець-Подільського національного університету: історичні науки. Т. 18: На пошану професора В. С. Степанкова. Кам’янець-Подільський, 2008, с. 76–84; Гулевич В. “Наїзди” у русько-литовському праві XV – кінця XVI ст. (Розвиток і еволюція права на прикладі наїздів) // Просемінарії. Медієвістика. Історія Церкви, науки і культури. Вип. 5. Київ, 2003, с. 33–63; Мальченко О. Шляхетські наїзди у світлі маєткових актів к.16 – 1 п. 17 ст.: військовий аспект // Київська старовина. 1997. № 3–4, с. 94–113; Старченко Н. Дещо про спокуси джерел та пастки інтерпретацій (на прикладі справ про шляхетські наїзди на Волині наприкінці XVI ст.) // Український історичний журнал. 2009. № 6, с. 165–182; Gąsiorowski A. Dobrzy i podlejsi. Przyczynek do dziejów kary w późnośredniowiecznej Polsce // Czasopismo prawno-historyczne. 1985. Tom XXXVII. Zeszyt 2, s. 89–99.

⁴⁷ Ващук Д. “Абыхмо держали ихъ подде права их земли”..., с. 282 (1507 г.), 288 (1529 г.).

⁴⁸ Максимейко М. Литовско-русский сейм..., с. 123.

⁴⁹ Любавский М. Областное деление..., с. 810.

⁵⁰ Ващук Д. “Абыхмо держали ихъ подде права их земли”..., с. 282 (1507 г.), 288 (1529 г.).

⁵¹ LM. Knyga Nr. 225. (1528–1547): 6-oji Teismų bylų knyga / S. Lazutka, I. Valikonytė ir kt. Vilnius, 1995, p. 87.

Следующим элементом правовой культуры является культура правового поведения, которая характеризуется правовой активностью граждан и их правомерному поведению. Источники второй половины XV – первой трети XVI в. свидетельствуют, что обыватели земель ВкЛ активно использовали нормы уставных грамот в повседневной судебной практике. Приведем несколько ярких примеров. В соответствии с жалобой путивльского наместника Богдана Федоровича на черкасского наместника Кмиту Александровича великий князь литовский Александр Ягеллончик 27 июля 1495 г. приказал последнему “ажбы еси слуг и людей его ни судил, ни радил, и вин и пересудов на них не брал подлут права вашого, што есмо вам дали всеи земли Киевской”⁵². Документ удостоверяет не только использование норм киевской уставной грамоты, но и злоупотребление отдельным положением, в частности подсудностью слуг своим владельцам⁵³.

Привлечение свидетелей и их деятельность в судебных делах стало привычным явлением. Дело между “жидом берестейским” Дуцком Михелевичем и кобринским архимандритом монастыря Св. Спаса Иосифом решилось в пользу первого, поскольку “архимандрит никоторого иньшого на то доводу не мел, також хотел того на него доводити слугою ж его, што ж ест реч неслухная, абы мел слуга на пана своего светчити” (17 декабря 1528 г.)⁵⁴. Однако существовали случаи, когда одна из сторон процесса нарушала нормы, или пыталась заставить свидетелей предоставлять фальшивую информацию. К примеру, при опросе свидетелей по делу между боярином ейшишской волости Петром Сумороком и человеком Сеньком Ивашкевичем, первый “почал имъ говорити по-литовъски передо мною (децким Василием. – Д. В.) и просилъ их: “Для Бога не выдайте мя, а што есьми вамъ обещаць, то дам, а вас в том не выдамъ”⁵⁵. Однако, как оказалось, децкий понимал или знал литовский язык и, в конечном итоге, Петр проиграл дело из-за попытки подкупа свидетелей, которых он принуждал к даче ложных показаний.

Таким образом, правовая культура ВкЛ в достатутный период характеризуется достаточно хорошим уровнем развития как культуры правового поведения, так и культуры юридической практики. Этому способствовало активное внедрение в правовую систему государства письменного законодательства, которое, в свою очередь, повышало уровень правовой культуры элиты ВкЛ.

⁵² LM. Кныга Nr. 6. (1494–1506): Užrašymų knyga 6 / Parengė A. Baliulis. Vilnius, 1995, p. 114.

⁵³ Ващук Д. “Абыхмо держали ихъ подле права их земли”..., с. 91.

⁵⁴ LM. Кныга Nr. 224. (1522–1530): 4-oji Teismų bylų knyga / S. Lazutka, I. Valikonytė. Vilnius, 1997, p. 276.

⁵⁵ LM 225, p. 89–90.

Рассмотрим теперь правовую культуру лица, характеризировав ее по нескольким позициям:

- 1) знание законодательства;
- 2) убежденность в необходимости и социальной пользе законов;
- 3) практические навыки в пользовании правовым инструментарием (например, законы).

Качественное знание существующего законодательства, в частности норм уставных земских грамот, было необходимым условием как для урядников, которые представляли исполнительную (а некоторые и судебную, как видно из вышеизложенного) структуру власти, так и для других обывателей. Первые обязывались осуществлять правосудие в соответствии с существующими нормами, а вторые должны были знать эти нормы, чтобы не допустить нарушения законности в суде. Источники фиксируют разнообразное количество дел, которые подтверждают этот вывод.

В пожалованной королем Сигизмундом I Старым Уставе Мозырской волости указывалось на присутствие в суде обеих сторон: “Смотрели есмо того дела. Стояли перед нами очевисто, жаловали намъ люди наши мещане и вся волость Мозырская на наместника мозырского пана Андрее Немировича, штожь бы им кривды делалъ и новины уводиль...”⁵⁶. Аналогичная запись была сделана 9 мая 1528 г. в приговоре Федору Мамчичу с киевским воеводой Андреем Немировичем касательно двorca Каспаришки с людьми и землями в Контяжинском повете: “Смотрели есмо того дела с паны радами нашими, стояли перед нами очевисто, жаловал нам дворянин наш Федор Демидовичъ Мамчыча на воеводу киевъского, державцу свислоцкого, пана Андрея Якубовича Немировича...”⁵⁷.

Знание действующего законодательства помогло киевским мещанам в деле с киевским воеводой Андреем Немировичем. В частности, уставная грамота строго настрого запрещала урядникам вводить новые пошлыны: “А о мыта новые так вставляем: где бы здавна не бывали за предковъ наших ... тут и тепер непотреб воеводам нашим мыт новых вставляти, нижли старые вечные мыта мають браны быти по давному”⁵⁸. В случае нарушения “мытного артикула” в великокняжескую канцелярию подавались жалобы, на которые великий князь литовский соответствующе реагировал. К примеру, 18 июня 1522 г. в письме Сигизмунда I Старого к киевскому воеводе Андрею Немиро-

⁵⁶ Акты Литовско-русского государства. Изданные М. Довнар-Запольским. Вып. I (1390–1529 гг.). Москва, 1899, с. 144.

⁵⁷ LM 224, р. 224–225.

⁵⁸ Ващук Д. “Абыхмо держали ихъ подде права их земли”..., с. 125.

вичу указывались одна из жалоб киевских мещан и резолюция господаря: “А што жаловали нам на твою милость о мыто дровяное, и о сено, и о колеса, и о сани, ижъ кажешъ то в них мощно брати... ино мы и в томъ тебе очевисте росказали, ажбы ты мыга от дров, и сена, и колес, и саней в нихъ брати не казал...”. Кроме этого, специальным распоряжением уплата рыбного и соляного мыга должна была происходить в Киевском замке⁵⁹.

В рассматриваемом вопросе не была исключением и Волынская земля. В частности, 2 августа 1478 г. Казимир Ягеллончик сообщал луцкому старосте, маршалку, пану Ивану Ходкевичу и другим панам о жалобе панны Васильевой Копачевича на панну Михайлову Нацевича и Василия Павловича, “што жъ, дей, делают ей кривды в земли, и в сеножатех, и в ловех, и у в ынших речах”. Господарь приказывал: “Ино штобы есте рок им положили и тамбы есте выехали, и о всих тых речах абых есте межи ними досмотрели, и справедливость абы есте учинили”. В то же время Казимир указывал и обвиняемым: “...какъ вы рокъ положите и там выедете, абы перед вами ку праву стали и права-бы послушны были”⁶⁰. 2 сентября 1491 г. “приказанем господаря нашего короля его милости” луцкий староста Семен Юриевич и наместник кременецкий Андрей Михайлович вместе с князьями и панами волынскими объявили приговор по делу земян кременецких Андрея Нимцевича, Василия Игнатъевича Цеценевских с князем Александром Сангушком касательно имения Новосельце. “Приказ” был написан таким образом: “...абыхмо того досмотрели и справедливость тому вчинили”⁶¹.

Эти дела демонстрируют функционирование нормы о наличии в суде, кроме старосты, дополнительных лиц – князей, панов и земян, которые, бесспорно, не могли не знать существующих правовых норм. Более того, подсудному, например, разрешалось избрать себе дополнительно судей из категории земян. В листе Сигизмунда I Старого от 5 февраля 1524 г. князю Василию Четвертинскому и князю Александру Буремському шла речь о том, что ему жаловался князь Иван Козека на маршалка, князя Андрея Михайловича Сангушка и “и на то князь Иван в нас (Сигизмунда. – Д. В.) съ свое руки судьями взял

⁵⁹ L.M. Knyga Nr. 10. (1440–1523): Užrašymų knyga 10 / Parengė E. Banionis ir A. Baliulis. Vilnius, 1997, p. 98; Дячок О. Митні відносини на українських землях в документах Литовської Метрики // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України: Міжпредметний прострі історії ідей у вітчизняній науці. Дніпропетровськ, 2004, с. 166.

⁶⁰ Arhiwum książąt Sanguszków w Sławucie... Т. III, s. 16; Поліщук В. Луцкий замковий уряд в адміністративній системі Великого князівства Литовського до реформ 1564–1566 рр. // Український історичний журнал. 2003, № 2, с. 6.

⁶¹ Arhiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie wydane nakładem właściciela pod kierownictwem Z. L. Radziwińskiego, przy współudziale P. Skobielskiego i B. Gorczaaka. Т. I (1366–1506). Lwów, 1887, s. 94.

вас (В. Четвертинского и О. Буремского. – Д. В.), а князь Андрей инших судей на то съ свое руки в нас побрал...“⁶². Значительно большее количество судей было по делу между державцею слонимским и каменецким, паном Богушем Боговитиновичем и старостой луцким, князем Федором Михайловичем Чарторыйским относительно строительства замка в урочище Белеве Луцкого повета, которое, якобы, принадлежало первому (4 марта 1528 г.). Со стороны Богуша выступили: князь Юрий Иванович Дубровицкий, князь Василий Федорович Четвертинский, князь Иван Андреевич Полубенский, пан Боговитин Петрович, писарь господарский, пан Михаил Васильевич, пан Андрей Лозка и Федор Гулевич. Князя Ф. Чарторыйского должны были представлять маршалок господарский, князь Андрей Михайлович Сангушко, подскарбий дворный, пан Иван Андреевич, городничий троцкий Петр Михайлович, наместник перелайский Южно Волчкович, земляне волынские Михайл Семашкович и Тихно Козинский. На них возлагалась обязанность развязать спор “водле обычая права земсаго (имеется в виду Волынской земли. – Д. В.)”⁶³.

Таким образом, эти лица владели всеми правовыми знаниями, необходимыми для успешного решения спорных вопросов. Учитывая тот факт, что они принимали участие в судебном процессе в качестве судей, можем сделать предположение о довольно высоком уровне развития их правовой культуры. Возможно, именно тогда начала формироваться категория служащих, которые через некоторое время будут исполнять функции профессиональных адвокатов в современном значении этого слова.

Главным достижением законодательной деятельности в ВкЛ стало введение ПЛС в сентябре 1529 г. Не вдаваясь в подробную характеристику этого кодекса, отметим лишь, что именно с ним ассоциируется завершение эпохи функционирования уставных земских грамот⁶⁴, а его нормы стали обязательными в судопроизводстве всего государства: “Тэж хочем и вставляем, и вечными часы маеть быти ховано, иж вси подданные наши, так вбогие, яко и богатые, которого раду колве або стану были бы, ровно а одностайным тым правом мають сужоны быти” (р. 1 §9)⁶⁵. В то же время законодатель заме-

⁶² Arhiwum książąt Sanguszków w Sławucie... Т. III, s. 259.

⁶³ Российская национальная библиотека г. Санкт-Петербург. Отдел рукописей. Ф. 293 (Западно-Русские акты). Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 1.

⁶⁴ Впервые о будущем введении Статута читаем в уставной грамоте Волынской земле 1501 г.: “А то имь маемь все держати тые члоньки, што в семь нашомь листе верху стоить выписанный, до тыхъ часов, поки права, Статуты всей земли, отчизне нашей Великому Князству Литовьскому, вставимь, а коли права, Статута у в отчизне нашей уставимь, тогда вси земли наши одного ся права держати мают и однимъ правом сужоны будуть подле Статуту” (Ващук Д. “Абыхмо держали ихъ подле права их земли”..., с. 271).

⁶⁵ Pirmasis Lietuvos Statutas, p. 70.

тил, что в случае необходимости позволялось использовать “старые привилегии земские” (р. 3 §6)⁶⁶. Однако, по нашему мнению, во-первых, речь идет об общеземских привилегиях, а во-вторых, это положение, очевидно, имело формальный характер⁶⁷. В отличие от областных привилегий известно, что над текстом Статута 1529 г. работала комиссия во главе с канцлером А. Гаштольдом. Также есть некоторые сведения о том, что в ней участвовал Ф. Скорина⁶⁸. Нормы Статута собрали все наилучшие положения прописанные в письменных правовых источниках как отдельных земель, так и ВкЛ в целом.

Таким образом, внедрение письменного законодательства в ВкЛ со второй половины XV в. значительно повлияло на повышение правовой культуры не только государства в целом, но и на представителей элиты (князей, панов и земян), в том числе и украинской. Также положительным моментом стало начало создания института адвокатуры, функционирование которого в полной мере проявится уже со второй половины XVI в.

⁶⁶ Ibidem, p. 110.

⁶⁷ Ващук Д. Вплив обласних привілеїв Київщини та Волині на формування Першого Литовського Статуту, р. 84.

⁶⁸ Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч. Мінск, 2006, с. 630.